

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-7-16
УДК 325.254.4(045)

Представление о будущем беженцев и вынужденных переселенцев, приехавших в Россию в результате СВО

В.А. Касамара^а, А.Т. Зельдич^б

^аАссоциация организаторов студенческих олимпиад «Я – профессионал», Москва, Россия;

^бНИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье анализируются коллективные представления о будущем приехавших в Россию в результате СВО беженцев и вынужденных переселенцев, с которыми было проведено 17 полуструктурированных интервью в период их нахождения как в пунктах временного размещения беженцев (ПВР), так и за их пределами. Результаты исследования показали, что переезд в РФ был добровольным: беженцы и вынужденные переселенцы рассматривали все альтернативные варианты и остановили свой выбор именно на России, где они смогли удовлетворить свою базовую потребность в безопасности. Общими для всех проблемами адаптации стали сложности с оформлением документов и бюрократия. Еще одним обременительным обстоятельством выступает низкий уровень правовой грамотности участников исследования. Основными акторами, оказывавшими поддержку и помощь беженцам и вынужденным переселенцам, стали государство и НКО, от которых участники исследования продолжают ожидать комплексной поддержки – от психологической помощи и упрощения бюрократических процедур до льгот на приобретение жилья. Авторы установили, что будущее является для беженцев и вынужденных переселенцев одним из самых насущных вопросов и актуальной темой обсуждений, при этом был выявлен короткий горизонт планирования, который определяется достижением ближайших целей, например успешным трудоустройством, поэтому говорить о среднесрочном или долгосрочном планировании не приходится. Кроме того, на горизонт планирования изучаемой группы существенное влияние оказывает процесс адаптации, внешний контекст и ход СВО.

Ключевые слова: беженцы; вынужденные переселенцы; коллективные представления о будущем; планы на будущее; горизонт планирования; СВО

Для цитирования: Касамара В.А., Зельдич А.Т. Представление о будущем беженцев и вынужденных переселенцев, приехавших в Россию в результате СВО. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2024;14(1):7-16. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-7-16

The Future of the Refugees and Forced Migrants Arriving in the Russian Federation because of the Special Military Operation

V.A. Kasamara^a, A.T. Zel'dich^b

^aAssociation "I'm professional", Moscow, Russia;

^bNational Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper analyzes the collective perspectives on the future of refugees and displaced persons who arrived in Russia. The researchers conducted 17 semi-structured interviews with them during their stay, both in temporary centers for internally displaced people (IDP) and elsewhere. The study's results showed that the move to the Russian Federation was voluntary: refugees and internally displaced people considered all alternative options and chose Russia, where they could satisfy their basic need for security. Difficulties with paperwork and bureaucracy have become common problems of adaptation for all. Another burdensome circumstance was the low level of respondents' legal literacy. The key actors who provided support and assistance to refugees and forced migrants were the state and nonprofit organizations (NPO's), from which the respondents continue expecting comprehensive support, starting with psychological assistance and simplification of bureaucratic procedures and ending with housing benefits. The authors found that refugees and forced migrants consider the future as one of the most pressing issues and a subject that requires urgent discussion. They also identified a quick planning horizon, which is determined by the achievement of immediate goals, such as successful employment. Therefore, it is unnecessary to discuss medium-term or long-term planning. Furthermore, their adaptation

process, the external context, and the course of their work significantly influenced the planning horizon of the studied group.

Keywords: refugees; forced migrants; collective perspectives about the future; plans; planning horizon; Special Military Operation (SMO)

For citation: Kasamara V.A., Zel'dich A.T. The future of the refugees and forced migrants arriving in the Russian Federation because of the Special Military Operation. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta. Humanitarian and social sciences. Bulletin of the Financial University*. 2024;14(1):7-16. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-1-7-16

ВВЕДЕНИЕ

24 февраля 2022 г. Российская Федерация начала специальную военную операцию. Из-за угрозы собственной безопасности миллионы беженцев из зоны проведения СВО покинули свое место жительства, уехав в том числе в Россию. В результате государство и российское общество столкнулись с большим и резким наплывом мигрантов, чья численность, по разным данным, составила 2–3 млн чел.¹ Повысить эффективность государственной социальной поддержки беженцев, занимающих особое место во внутривнутриполитической повестке страны, помогут ответы на следующие вопросы: думают ли они о возвращении домой или планируют остаться на территории РФ? будут ли искать работу или станут существовать в качестве иждивенцев, не стремясь к трудоустройству? с какими трудностями и проблемами они столкнулись и продолжают сталкиваться в процессе адаптации и интеграции в российское общество? как видят будущее России и свое место в нем?

Согласно Федеральному закону беженец — это «лицо, которое не является гражданином РФ и которое в силу вполне обоснованных опасений стать жертвой преследований по признаку расы, вероисповедания, гражданства, национальности, принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений находится вне страны своей гражданской принадлежности и не может пользоваться защитой этой страны или не желает пользоваться такой защитой вследствие таких опасений; или, не имея определенного гражданства и находясь вне страны своего прежнего обычного местожительства в результате подобных событий, не может или не желает вернуться в нее вследствие таких опасений»². Однако с юридической точки

зрения употреблять только этот термин в нашем исследовании было бы некорректно, так как в самом определении указывается на то, что это лицо не является гражданином РФ. Поэтому мы вводим понятие «вынужденный переселенец» — «гражданин Российской Федерации, покинувший место жительства вследствие совершенного в отношении его или членов его семьи насилия или преследования в иных формах либо вследствие реальной опасности подвергнуться преследованию по признаку расовой или национальной принадлежности, вероисповедания, языка, а также по признаку принадлежности к определенной социальной группе или политических убеждений, ставших поводами для проведения враждебных кампаний в отношении конкретного лица или группы лиц, массовых нарушений общественного порядка»³. В.А. Иванов и К.С. Крюкова подчеркивают, что статус вынужденного переселенца и беженца может предоставляться даже при условии потенциальной угрозы и насилия, а не только по факту свершения таких действий [1].

При определении понятия «коллективные представления о будущем» мы станем опираться на подход Т.А. Нестика [2], который концентрируется на прожитых событиях, переживаниях, потрясениях и определяет главенствующую роль прошлого и настоящего над представлениями о будущем, рассматриваемыми как часть коллективной памяти, невозможной без осмысления прошлого и настоящего. Нестик предлагает измерять несколько компонентов: 1) аффективный (общая субъективная оценка будущего); 2) когнитивный (содержание, протяженность, сила и влияние процессов этого будущего); 3) поведенческий (готовность или неготовность группы обсуждать, думать, планировать свое будущее и влиять на него).

¹ URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5480472>; <https://clck.ru/34UaWs>

² Федеральный закон РФ от 19.02.1993 № 4528-1 (ред. от 13.06.2023) «О беженцах». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_4340/

³ Федеральный закон от 19.02.1993 № 4530-1 «О вынужденных переселенцах» (с изм. и дополн.). Информационный порта Гарант.ру. URL: <https://base.garant.ru/10105693/>

Ряд исследователей отмечают важную роль общества и государства в этом процессе. Обеспечение правовой и социальной защищенности и снижение чувства ущемленности крайне важны для беженцев, но необходимо, чтобы такая поддержка со стороны государства не была демотивирующей и не вела к иждивенчеству и зависимости от «покровителей» [3–5]. С. Ю. Барсукова утверждает, что некой «золотой серединой» можно считать сторонников социалистической идеологии, которые стремятся к покрытию ущерба и создают интеграционные механизмы в общество [6]. Двумя крайностями здесь выступают либеральная и консервативная идеологии.

В работе К. А. Антипьевой и В. Н. Стегния отмечается, что наиболее ощутимые проблемы беженцев, приехавших из Украины в РФ, связаны с недостаточной помощью государства в процессе адаптации (46,9%), поиском работы (21,7% работу нашли, но искали ее долго; 26,4% ищут, но не могут найти). Наиболее разочаровавшими факторами при адаптации стали низкий уровень заработной платы (37,2%), забюрократизированность процедур (25,9%) и высокие цены на продукты питания и одежду (22,8%) [7]. Исследование В. В. Гриценко и Т. Н. Смотровой подтверждает расхождение ожиданий с реальностью при оценке предложения труда и уровня цен [8]. Объяснимо, что в случае оправдавшихся ожиданий наблюдается более оптимистичная оценка дальнейшего пребывания в РФ.

Влияние адаптации на представления о будущем также подчеркивается при оценке ментального и психологического состояния. В работе В. В. Гриценко говорится о росте неопределенности в представлениях о собственном будущем у вынужденных переселенцев из-за повышенной эмоциональной чувствительности и напряженности [9]. Проекцию страхов не только на текущее состояние, но и на будущее подтверждает исследование С. Каболи [10]. Беженцы склонны проецировать глобальные проблемы (войны, болезни, природные катаклизмы и другое) из прошлого и настоящего на будущее, при этом на свое собственное прошлое смотрят оптимистичней. Предположительно, это может быть вызвано позитивным социальным опытом, когда они смогли избежать глобальных проблем, которые и стали причиной их отъезда из страны, т.е. у них есть некоторая «закаленность» прошлым. По мнению ряда исследователей, во многом

преодолеть чувство страха, неопределенности и ущемленности возможно через приобретение собственного жилья, «убежища» [3].

Оптимистичные взгляды на будущее также находятся в фокусе ряда работ. Исследование Гриценко подмечает дихотомию оценки собственных черт и качеств вынужденными мигрантами [11]. С одной стороны, они «интеллигентные, энергичные, активные, обладающие высоким профессионализмом, трудолюбивые, ответственные, способные к соучастию, сопереживанию, оказанию помощи», но, с другой — им присущи «отсутствие ощущения своего дома, загнанность (тоска и боль в глазах, отчаяние и безысходность), озлобленность, неудовлетворенность, незащищенность, сверхтерпеливость». Именно эта дихотомия и формирует представления о будущем. В каждом отдельном случае одна из характеристик становится доминирующей и определяет активность или пассивность вынужденного мигранта. По мнению австралийских ученых, на оптимистичность взглядов на будущее также может влиять ощущение общности и ментальное здоровье [12], а на горизонт планирования — чувство самостоятельности, безопасности и обособленности [13].

Таким образом, согласно и отечественным, и зарубежным исследованиям, качество и процесс адаптации беженцев, их проблемы и трудности играют решающую роль при формировании представлений о будущем (позитивном или негативном сценарии) и определении горизонта планирования.

ОПИСАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

С октября 2022 по май 2023 г. в ходе качественного социологического исследования было собрано 17 полуструктурированных интервью с беженцами и вынужденными переселенцами, приехавшими в Россию в результате СВО. Средняя продолжительность интервью составила 43,5 мин. По типу работы с данными исследование является «разведывательным» (exploratory), т.е. его целью выступает генерация новых знаний и гипотез, еще не имеющих в политической науке. Подробнее методы сбора и анализа будут рассмотрены после описания выборки и поля.

Характер исследования определил выбор методологии, которой стала обоснованная теория («grounded theory»), используемая в качественных исследованиях с индуктивным дизайном

Таблица / Table

Таблица респондентов исследования с основными социальными характеристиками /
The research list of respondents with main social characteristics

№	Пол	Возраст	Образование	Национальность	Место проживания до отъезда	Субъект (регион) проживания до отъезда	Место проживания после отъезда	Субъект (регион) проживания после отъезда
1	Женский	41	2 высших	Украинка	Город	Харьковская область	ПВР	Калужская область
2	Мужской	19	Неоконченное среднее	Украинец	Сельская местность	Харьковская область	ПВР	Калужская область
3	Мужской	50	Сред.-спец.	Украинец	Город	ЛНР	ПВР	Калужская область
4	Женский	38	Высшее	Украинка	Город	Харьковская область	ПВР	Калужская область
5	Мужской	24	Высшее	Украинец	Город	Харьковская область	ПВР	Калужская область
6	Женский	23	8 классов	Украинка	Город	Херсонская область	ПВР	Калужская область
7	Женский	48	Высшее	Украинка	Город	ЛНР	ПВР	Калужская область
8	Женский	46	2 высших	Армянка	Город	Харьковская область	Съемная квартира	Москва
9	Женский	42	2 высших	Русская	Город	ДНР	Съемная квартира	Москва
10	Женский	35	Неоконченное высшее	Русская	Город	Запорожская область	Общежитие	Московская область
11	Женский	17	Неоконченное среднее	Украинка	Город	ДНР	Съемная квартира	Москва
12	Мужской	65	Сред.-спец.	Украинец	Город	Запорожская область	ПВР	Ярославская область
13	Мужской	38	Сред.-спец., высшее	Украинец	Город	ДНР	ПВР	Ярославская область
14	Женский	38	Сред.-спец.	Украинка	Сельская местность	ДНР	ПВР	Ярославская область
15	Женский	32	Высшее	Украинка	Сельская местность	ЛНР	ПВР	Ярославская область
16	Мужской	56	Сред.-спец	Русский	Сельская местность	ДНР	ПВР	Ярославская область
17	Мужской	77	8 классов	Украинец	Сельская местность	ДНР	ПВР	Ярославская область

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

и применяемая в работах, начинающих с выхода в поле и сбора эмпирических данных [14]. В процессе работы в поле обоснованная теория позволяет генерировать, дополнять и исключать исследовательские гипотезы, изменять вопросы, задаваемые респондентам. Таким образом, выбранная методология делает гибким про-

цесс изучения предмета. Среди особенностей обоснованной теории можно выделить полную доминацию индуктивного метода над дедуктивным; трудности с верификацией полученных данных [15]; необходимость проверять, что «мы рассматриваем именно то, что происходит в действительности, а не то, что мы придумыв-

ваем» [16]; наличие определенной «квалификации» (важно иметь достаточный уровень «теоретической чувствительности», т.е. «способности распознавать, что важно в данных, и наделять это смыслом»).

В рамках данной работы выборка является целевой. Основным критерий выбора респондентов — фактическое проживание на территории ЛНР, ДНР, Украины на момент начала СВО. Поэтому в работе нет ограничений по выбору респондентов из определенных субъектов или регионов Украины и России (куда вошли ДНР, ЛНР, Запорожская и Херсонская области), так как фактически действия СВО нельзя ограничить конкретными субъектами стран, потому что ракетные удары ВС РФ ведутся по всей территории Украины, что позволяет считать любого человека, уехавшего из этих населенных пунктов, беженцем или вынужденным переселенцем. То есть беженцы, приехавшие в другие страны, не являются объектом исследования.

Среди респондентов представлены беженцы и вынужденные переселенцы разного пола, возраста (от 17 до 78 лет), уровня образования, места и региона проживания до отъезда (с обеих сторон фронта), места и субъекта проживания после переезда (см. таблицу). Таким образом, можно говорить о разнообразии респондентов по разным социально-демографическим характеристикам. Это сделано для определения общих представлений о будущем, а не только об отдельной группе внутри генеральной совокупности.

Сбор эмпирического материала проходил в пунктах временного размещения беженцев (ПВР) в Калужской и Ярославской областях. В случае с Калужским ПВР вход в поле и доступ к респондентам был осуществлен «снизу», через человека, который в частном порядке (не волонтер) имел связь (помогал) беженцам. В случае с ПВР в Ярославской области — «сверху», через администрацию санатория. Поиск респондентов, проживающих не в ПВР, происходил методом снежного кома.

В ходе сбора эмпирических данных наблюдались трудности в получении доступа в пункты временного размещения через их администрации, а также скептическое и настороженное отношение беженцев и вынужденных переселенцев к внешней среде (следствием чего явилась закрытость, недоверие и нежелание обсуждать ряд вопросов).

Основным методом выступало проведение глубинного интервью. Был выбран полуструктурированный тип, что позволило сохранить возможность задать уточняющие и дополнительные вопросы для получения более полной и детализированной информации от респондента. В рамках данного подхода по изучению коллективных представлений о будущем вопросы в гайде направлены на:

- 1) выявление причин отъезда из зоны проведения СВО;
- 2) изучение процесса адаптации и связанных с ней трудностей;
- 3) определение горизонта планирования;
- 4) определение планов на будущее место проживания и факторов, влияющих на этот выбор;
- 5) определение влияния внешнего контекста на представления о будущем.

При анализе данных использовался метод кодирования: сначала было проведено открытое кодирование, затем — осевое. Полученная таблица изучалась с помощью контент-анализа.

ОПИСАНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Представления о начале СВО, причины отъезда и переезд в Россию

Большинство респондентов непосредственно столкнулись с началом боевых действий и их последствиями: «*Бои шли и прямо перед глазами. У нас там буквально метров в 50 пролетело. Хорошо, что это была земля, и нас просто присыпало*» (P10)⁴, «*А у нас быстро закончились все продукты. И вообще там в магазинах все разграбили... Воду нам подключали, тоже генераторы привозили, чтобы дать какой-то напор, чтобы люди воды набрали*» (P2). Однако есть и те беженцы, в чьих населенных пунктах военные действия и их последствия не были ощутимыми или разрушительными: «*Но эти буквально не успели отъехать [ВС РФ], а эти [ВСУ] уже рассыпались. И никто же не стрелял. Вот что интересно*» (P12).

При этом можно отметить конкретный триггер для принятия решения об отъезде — это было сделано не из-за накопительного эффекта и усталости от военных действий. Самым частым кодом причины переезда является непосредст-

⁴ «РН^о» — ссылка на интервью с респондентом (цифра обозначает его порядковый номер в таблице).

венное попадание снаряда, взрыв рядом: *«Вот когда в соседний дом прилетело, я взяла семью в охапку и решила — мы уезжаем»* (P15). Однако есть и другие причины — это принятие решения родственником: *«Ну, последней каплей... Жена вспыхнула, расплакалась, когда вокруг нас девятиэтажки начали ходить и гореть»* (P5) или такие серьезные бытовые трудности, как отсутствие связи, услуг ЖКХ, продуктов: *«У нас интернет практически отсутствует везде, у меня дома и у родителей, на улице, и делать какие-то семинары, ну, практически нереально»* (P10).

Респонденты отмечали, что до границы с Россией добирались либо в одиночку, либо с семьей, либо в самостоятельно организованных группах: *«Последний раз сами с женой уехали»* (P17), *«Мы-то как частная машина проскочили. Хотя мы в колонну собирались, мы списывались, кто едет в сторону Старобельска: “А давайте колонной пробираться”»* (P7).

Решение об отъезде, по словам респондентов, пробудило такие чувства, как ностальгия, обида и страх: *«Страх самой дороги как таковой»* (P9), *«Хотелось остаться из-за очень сильной привязанности к городу»* (P11). При пересечении границы России, существовавшей до референдума 11.08.2022 г., среди положительных эмоций можно выделить облегчение, чувство спокойствия и ощущение безопасности: *«Ну, наверное, как у всех, что наконец-то все спокойно, хорошо, дышится нормально»* (P12); *«Сразу прям, знаете, чувство безопасности появилось»* (P1). Из негативных переживаний — шок от новой непривычной обстановки и среды: *«Вот этот промежуток — это там вообще во времени потерялся. Было непривычно, так как я первый раз в России. Вообще не помню»* (P2).

Коды о причинах выбора России в качестве страны для переезда можно разделить на две группы. К первой относятся те, в которых перечисляются преимущества переезда в РФ, например, чувство культурной общности и ожидание комфортной адаптации: *«В Россию просто проще. Ну, знаешь, язык русский, ну, как бы культурно, ментально близко тоже. Я прихожанин православной церкви, ну, христианской как бы»* (P13).

Во второй группе варианты выбраны методом исключения (например, нежелание переезжать в Украину и другие страны): *«Ну, в Россию в любом случае, в Украину я никак не планировала и прекрасно понимала, что там еще хуже будет*

ситуация» (P10), *«Да и сам тоже не думал, что, ну, не знаю, не лежит душа в Европу»* (P5).

Таким образом, изначально в планах у беженцев не было переезда в Россию, решение принималось спонтанно, как правило, триггером становилось событие, после которого он совершался молниеносно. Переезд был добровольным, а выбор в пользу России делался исходя из принципа «лучшее из худшего», поскольку расставание с малой родиной явилось для всех без исключения болезненным и сопровождалось негативными эмоциями. Тем не менее участники исследования рассматривали все альтернативные варианты и останавливали выбор именно на России, где они смогли удовлетворить свои базовые потребности в спокойствии и безопасности.

Трудности процесса адаптации

Общими для всех проблемами адаптации стали сложности с оформлением документов, бюрократия, правовая неграмотность беженцев: *«Вот я не понимаю, какие у меня есть льготы, что я могу получить на ребенка. Куда мне обратиться, чтобы у меня какие-то были дополнительные выплаты?»* (P9). Поэтому запросы участников исследования были связаны с решением насущных проблем, например касательно помощи при оформлении документов, необходимых для дальнейшей интеграции в российское общество: *«С документами бы помочь, чтоб как уже полноценный член общества быть»* (P15), *«Но пока гражданство у всех не сделается, я не знаю, на официальную работу нельзя устроиться»* (P2); льгот в приобретении собственного жилья: *«В первую очередь предоставить людям жилье, это сейчас основное. Тот же маневренный фонд»* (P4).

Столкновение с бытовыми трудностями, сильно влияющими на адаптацию переселенцев, проявилось сразу в нескольких кодах. Наиболее выраженным выглядит ощущение ущемленности самого статуса беженца: *«И мы в категории неблагонадежных все равно, как бы мы ни бились, мы будем, наверное, на долгие годы оставаться в этой категории»* (P8). Травмирующим стало и ощущение себя между двумя конфликтующими сторонами. Если в Украине переезд, по словам респондентов, расценивается как предательство, то в России они не почувствовали себя интегрированными в российское общество: *«Все мы понимаем, что там мы предатели,*

а здесь мы чужие. И вот как-то между молотом и наковальней» (P5).

При этом результаты исследования не выявили у респондентов сплоченности из-за чувства общей беды: *«Понимаете, отдохнули, отошли. И все-таки полгода мы уже»* (P7). Респонденты, живущие и в ПВР, и в частном (обособленном) жилье, не чувствуют общности с другими беженцами и вынужденными переселенцами: *«Нет, каждый сам по себе буквально»* (P1), *«Нет-нет, я вообще ни с кем не общаюсь. Получается, живу я не общаюсь»* (P10). Участники исследования не стремились устанавливать новые контакты с людьми, оказавшимися в схожей ситуации, а продолжили общаться с прежними знакомыми: *«Когда мы узнали, кто из наших [из Краматорска], мы общаемся прекрасно, с теми, кто в Москве»* (P8). Таким образом, можно предположить, что один из важных факторов успешной адаптации [4] — сплоченность группы, чувство взаимопомощи — у беженцев и вынужденных переселенцев практически полностью отсутствует.

Основными акторами, оказывавшими поддержку и помощь беженцам и вынужденным переселенцам, стали государство и НКО: *«Во-первых, мне посоветовали в Красном Кресте “Дом с маяком”. И я попала в тот поток, когда заключали договора, и помощь была очень хорошая и моральная»* (P7), *«Я всегда ощущаю, что от государства и от каких-то волонтерских организаций какую-то дают поддержку»*. (P1). Среди запросов участников исследования можно выделить желание психологической помощи: *«Общение. Да, психологически как-то. Потому что, когда приезжают люди, они не знают, вот просто честно. Вот я, когда сюда приехала, два месяца, как нет общения. Нужны положительные мысли»* (P14).

Среди положительных особенностей адаптации респонденты отмечали благоприятные условия при поиске работы: *«По специальности я не работала, но конкретно по строительным материалам. Я уже хочу начать. А вот очень хочется. Смотрю, уже здесь востребована»* (P1). При поиске работы наиболее важным фактором является заработная плата: *«Первое, конечно, зарплата. Еще график работы и, соответственно, расположение завода»* (P5).

Отдельно стоит отметить, что выявлен код, согласно которому респонденты готовы действовать самостоятельно: *«Да ничего не надо, не мешайте. Поменьше бюрократии, просто получе-*

ние документов» (P5). Также был выявлен запрос на комплексную поддержку: *«Ну, вот просто путеводитель, может быть, я стою за зеркалом и не вижу, куда нам надо»* (P8).

ГОРИЗОНТ ПЛАНИРОВАНИЯ И ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ

Результаты исследования показали, что короткий горизонт планирования у беженцев и вынужденных переселенцев связан в первую очередь с достижением ближайших целей: *«Ну вот до августа [планы], когда диплом получу»* (P5). На горизонт планирования влияет два фактора. Во-первых, неопределенность: *«Что будет в дальнейшем, никто не знает. Неуверенность есть в будущем. Потому что я сама с тремя детками, не знаю, что будет. Может, я завтра окажусь на улице и придется своими силами»* (P15). Неопределенность в представлениях о будущем усугубляется низким уровнем понимания своих прав, непониманием/незнанием разрешенных российским законодательством сроков проживания в ПВР: *«Честно говоря, не знаю, не знаю. Ходит много слухов. Да, ходят и на два года, может, еще на что-то»* (P12). При этом 29.08.2022 г. Президент России подписал Указ о возможности пребывания граждан Украины, ЛНР, ДНР на территории РФ бессрочно⁵. Информации о продлении таких сроков для вынужденных переселенцев с российским гражданством нет. Таким образом, с одной стороны, респонденты не имеют представлений о сроках возможного пребывания в ПВР (что может снижать горизонт планирования), но, с другой — это может объясняться отсутствием необходимости в такой информации из-за возможности практически бессрочного проживания в них беженцев и вынужденных переселенцев.

Второй фактор — это внешний контекст и СВО: *«Я просто боюсь Третьей мировой войны. Что толку планировать и заводиться, если они потом не будут достигнуты. Ну, вот, пока я думаю, что мне не стоит долгосрочных планов строить»* (P7). В основном респонденты оценивают сроки окончания СВО как «долгие»: *«Военные действия будут продолжаться еще долго. Я понимаю, не год и не два. Это точно»* (P6). При этом они, как правило,

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 27.08.2022 № 585 «О временных мерах по урегулированию правового положения граждан Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики и Украины в Российской Федерации». URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48259>

затруднялись с ответом на вопрос о целях России в рамках СВО: *«Да откуда я знаю? Это только наверху решают, какие цели, нам непонятно»* (P15).

Будущее является для участников исследования одним из самых насущных вопросов и актуальной темой для обсуждения: *«Да [думаю] практически каждый день. Как бы постоянно в голове крутится что-то»* (P2). В этом вопросе респонденты четко разделились на две группы — желающие вернуться домой и планирующие остаться в России. Нельзя утверждать, что принятие решения о невозвращении связано с оценкой комфортности адаптации, так как те или иные проблемы испытывают практически все опрошенные. Однако есть целый набор других факторов, влияющих на принятие такого рода решения.

Основной причиной принятия решения вернуться домой стала ностальгия по родным местам: *«А нам хочется желательна на родину. То есть родина, мы там родились, там все наше»* (P17). При пояснении собственной мотивации респонденты в основном говорили про преимущества мест своего проживания до отъезда, хотя часто это шло в сравнении с нынешними условиями: *«Потому что здесь не те условия, в любом случае не так, как дома»* (P10). Один общий доминирующий код можно выделить и для тех, кто хочет остаться в регионах РФ, где сейчас находится, и для тех, кто собирается вернуться, — окончание боевых действий и контроль места проживания ВС РФ: *«Ну да, главное, чтобы закончились боевые действия в плане, чтобы выгнали все нечисть [ВСУ]. Вот как только ее оттуда выгонят, я приеду»* (P9). Если фактор окончания боевых действий как условие понятен и объясняется желанием обеспечить безопасность, то принципиальность контроля территории со стороны РФ требует дополнительного объяснения. В отношении к ВСУ и украинской власти можно выделить два основных кода — неприязнь, злость и отторжение: *«Когда я увидела, как они обстреливают своих же, я поняла, что дальше не хочу с ними иметь ничего общего»* (P12); и страх: *«В том же Херсоне или где-то еще возвращается волна этой украинской армии, то те, кто всплыли в каких-то новостях, им просто не выжить. Ну, как бы, в любом случае, это страх»* (P10). Таким образом, на принятие решения о возвращении влияет преимущественно внешний контекст.

Планы тех, кто хотел бы вернуться обратно, можно охарактеризовать как надежду на возвращение прежних условий жизни, а именно ремонт жилья: *«Ну, наверное, первое время мне нужно возле дома все в порядок привести»* (P14); возвращение на работу: *«Я как бы числюсь на заводе. У нас хлебозавод очень большой был, мы две области кормили, Луганскую и Донецкую область. Просто был хороший и вкусный хлеб. Так что хотелось, конечно, туда и вернуться»* (P14).

Участники исследования, планирующие остаться, говорили не об удобствах и преимуществах переезда в РФ, а о недостатках возвращения: о ведении боевых действий, непригодности условий для безопасного проживания и о контроле территории со стороны ВСУ: *«Там все разрушено, некуда возвращаться. Плюс там Украина стоит, мы там как предатели будем»* (P15).

Некоторые респонденты отмечали преимущества нахождения на территории России, где не проходит СВО: *«Ну, во-первых, здесь мирная жизнь и не видели войны и не знают, что это такое, а я по своей сути миролюбивый человек. Во-вторых, тут природа, леса, а у нас Донбасс, а там посадки-то вырублены, начиная от обстрелов»* (P13). При этом респонденты не смогли прийти к однозначному выводу о том, что должно произойти, чтобы изменилось их решение об окончательном переезде в другое место, т.е. можно сказать, что решение о продолжении проживания в России категорично. Большинство респондентов затрудняются ответить на вопрос о том, где конкретно они хотели бы жить. Пока они определилось только с тем, что предпочтут город сельской местности: *«Ну, плюс-минус нормальный город, чтобы инфраструктура была какая-то»* (P5). Некоторые говорили о желании жить в регионах с более теплым климатом: *«Я хочу туда, в Краснодарский край, потеплее»* (P3). Некоторые респонденты предпочли бы, чтобы их дети и внуки жили в России: *«Да, конечно, конечно, хотела. Хотела вместе с ними жить»* (P7); другие считают так: *«Сами пускай решают, взрослые уже»* (P3).

Большинство респондентов полагают, что отношения между РФ и Украиной будут улучшаться после окончания конфликта, но не быстро: *«Я думаю, что после войны еще много времени будут восстанавливаться»* (P15). Однако, по мнению других, после окончания СВО Украина как государство в принципе перестанет существовать: *«Я считаю,*

ну, был бы я Путиным, я вычеркнул бы уже сейчас это название — Украина — как таковое» (P12).

ВЫВОДЫ

В условиях возможности практически бессрочного пребывания в РФ беженцев и вынужденных переселенцев, приехавших из зоны СВО, представляется особенно значимым изучение их планов на будущее для получения достоверных знаний, которые в дальнейшем могут использоваться как для сугубо академических целей (восполнения пробела в знаниях), так и для практических (усовершенствования мер по социальной поддержке, адаптации и интеграции в российское общество).

Изучение причин переезда на территорию РФ, процесса адаптации и связанных с этим трудностей позволило более глубоко оценить мотивацию переселенцев касательно их планов на будущее, установить запрос на определенные меры поддержки.

Было выявлено, что респонденты лично столкнулись с боевыми действиями и их последствиями, после чего им пришлось спонтанно принимать решение об отъезде. В большинстве случаев обнаружен конкретный триггер (например, прилет снаряда или взрыв рядом с местом нахождения респондента, либо настойчивое желание со стороны близких). Выбор России в качестве страны проживания сделан осознанно и добровольно. Он обусловлен, с одной стороны, чувством культурной близости с нашей страной, а с другой — нежеланием оставаться на Украине или переезжать в другие европейские страны.

Процесс адаптации на данный момент проходит с существенными затруднениями, связанными с ощущением ущемленности и отсутствием чувства общности, что важно для здорового эмоционального и ментального состояния [4] (особенно после травмирующего социального опыта). Кто-то из участников исследования сталкивался с юридическими проблемами, бюрократией, некоторые не знали о сроках предоставления ПВР. Все это позволяет утверждать, что на момент проведения исследования данная социальная группа была дезориентирована в российском правовом поле. Опираясь на выводы других работ, можно говорить о том, что эти обстоятельства снижают комфортность адаптации, степень интегрированности в принимающее общество и сокращают горизонт планирования. Однако доступность вакансий и возможность выхода на работу (при

условии наличия гражданства РФ), а также существенная поддержка со стороны государства и НКО несколько облегчает процесс адаптации.

Существует важное различие в построении планов на будущее — либо это желание вернуться обратно, либо — остаться в России. На это оказывает влияние внешний контекст, СВО, отношение к украинской власти. При том, что процесс адаптации у всех респондентов примерно одинаковый, можно заключить, что единственным существенным фактором здесь является ностальгия по родине, которая была выявлена в качестве доминирующего чувства при отъезде. Так как условием для возвращения на прежнее место проживания респонденты называют контроль территории ВС РФ и окончание СВО (которая, по их мнению, будет продолжаться долго), очевидно, что представители данной социальной группы пока не собираются переезжать обратно и свое будущее планируют на территории РФ, где не происходят боевые действия.

Планы респондентов строятся только до ближайшей цели (т.е. не приходится говорить о ступенчатом планировании), несмотря на то, что они думают о своем будущем. На горизонт планирования оказывает влияние внешний контекст, чувство неопределенности и процесс адаптации.

Особое внимание в работе уделено изучению запросов респондентов — они ожидают комплексную поддержку: от психологической помощи до предоставления льгот при приобретении жилья и упрощения бюрократических процедур. Есть те, кто просит просто «не мешать».

Поскольку выявлено большое влияние внешнего контекста на коллективные представления о будущем, он был проанализирован отдельно. Респонденты ожидают, что отношения между РФ и Украиной могут улучшаться, но это произойдет после окончания СВО, что, по мнению беженцев и вынужденных переселенцев, произойдет совсем не скоро.

ОГРАНИЧЕНИЯ И ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Выявление комплексных представлений о будущем беженцев и вынужденных переселенцев, приехавших в Россию в результате СВО, с помощью качественных методов в дальнейшем можно усилить путем повышения внешней валидности полученных данных, используя количественные методы, которые позволят подтвердить

(или опровергнуть) полученные результаты с помощью массовых и репрезентативных опросов представителей данной социальной группы. Таким образом, можно будет входить в поле с уже комплексными представлениями об их планах и взглядах на будущее.

Настоящая работа будет полезна и для прикладных целей, так как позволит нивелировать указанные выше трудности и ограничения адаптационного процесса и масштабировать те меры, которые респонденты назвали удачными и эффективными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов В.А., Крюкова К.И. Юридического содержания понятий «беженец» и «вынужденный переселенец». *Мари́йский юриди́ческий вестник*. 2016;3(18):40–42.
2. Нестик Т.А. Коллективный образ будущего: социально-психологический анализ. Психологические исследования проблем современного российского общества. М.: Институт психологии РАН; 2013.
3. Prins G. Generating Two Modes of Life: a Biopolitical Reading of Asylum Seekers and Refugees. *Erasmus Student Journal of Philosophy*. 2022;(2):17–27.
4. Vigil Y.N., Baillie A.C. “We” the refugees: Reflections on refugee labels and identities. *Refuge*. 2018;34(2):52–60.
5. Дылгерова Н.Ю. Исследование социокультурной адаптации трудовых мигрантов из Украины в Бурятию. *Вестник науки и образования Северо-Запада России*. 2015;1(4):231–235.
6. Барсукова С.Ю. Проблемы беженцев и вынужденных переселенцев в зеркале идеологий. *Полис. Политические исследования*. 1999;(5)31–42.
7. Стегний В.Н., Антипов К.А. Проблемы адаптации беженцев из Украины в России. *Власть*. 2015;(6):138–145.
8. Гриценко В.В., Смотров Т.Н. Соответствие домиграционных ожиданий реальным условиям проживания как фактор успешности адаптации соотечественников из Украины и Казахстана. Социально-психологическая адаптация мигрантов в современном мире. Пенза: Пензенский государственный университет; 2016.
9. Гриценко В.В. Эмоциональное состояние русских вынужденных мигрантов. *Психологический журнал*. 2000;21(4):22–31.
10. Kaboli S.A. Images of the future of young refugees. *Migration-Muuttoliike*. 2018;44(1):16–17.
11. Гриценко В.В. Русские среди русских: проблемы адаптации вынужденных мигрантов и беженцев из стран ближнего зарубежья в России. М.: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Ордена Дружбы народов Институт этнологии и антропологии им. НН Миклухо-Маклая Российской академии наук; 1999.
12. Brough M. et al. Young refugees talk about well-being: A qualitative analysis of refugee youth mental health from three states. *Australian Journal of Social Issues*. 2003;38(2):193–208.
13. Sagbakken M., Bregård I.M., Varvin S. The past, the present, and the future: a qualitative study exploring how refugees’ experience of time influences their mental health and well-being. *Frontiers in Sociology*. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fsoc.2020.00046/full>
14. Allan G. A critique of using grounded theory as a research method. *Electronic Journal of Business Research Methods*. URL: <https://academic-publishing.org/index.php/ejbrm/article/view/1168/1131>
15. Забаев И.В. Логика анализа данных в обоснованной теории (grounded theory): версия Б. Глезера. *Социология: методология, методы, математическое моделирование*. 2011;(32):124–142.
16. Страуссе А., Кобрин Д. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники. Пер. с англ. М.: Едиториал УРСС; 2001.

REFERENCES

1. Ivanov V.A., Kryukova K.I. The legal content of the concepts of “refugee” and “internally displaced person”. *Mariyskiy yuridicheskiy vestnik = Mari Legal Bulletin*. 2016; 3(18):40–42. (In Russ.).
2. Nestik T.A. Collective image of the future: socio-psychological analysis. Psychological studies of problems of modern Russian society. Moscow: Institut psihologii RAN; 2013. (In Russ.).
3. Prins G. Generating Two Modes of Life: A Biopolitical Reading of Asylum Seekers and Refugees. *Erasmus Student Journal of Philosophy*. 2022;(2):17–27.

4. Vigil Y.N., Baillie A.C. "We" the refugees: Reflections on refugee labels and identities. *Refuge*. 2018;34(2):52–60.
5. Dylgerova N.Y. Research of socio-cultural adaptation of labor migrants from Ukraine to Buryatia. *Vestnik nauki i obrazovaniya Severo-Zapada Rossii = Bulletin of Science and Education of the North-West of Russia*. 2015;1(4):231–235. (In Russ.).
6. Barsukova S.Y. Issues of refugees and internally displaced persons in the mirror of ideologies. *Polis. Politicheskiye issledovaniya = Policy. Political studies*. 1999;(5)31–42. (In Russ.).
7. Stegny V.N., Antipiyev K.A. Issues of adaptation of refugees from Ukraine in Russia. *Vlast = Power*. 2015;(6):138–145. (In Russ.).
8. Gritsenko V.V., Smotrova T.N. Compliance of pre-migration expectations with real living conditions as a factor of successful adaptation of compatriots from Ukraine and Kazakhstan. Socio-psychological adaptation of migrants in the modern world. Penza: Penzenskij gosudarstvennyj universitet; 2016. (In Russ.).
9. Gritsenko V.V. Emotional state of Russian forced migrants. *Psikhologicheskij zhurnal = Psychological Journal*. 2000;21(4):22–31. (In Russ.).
10. Kaboli S.A. Images of the future of young refugees. *Migration-Muuttoliike*. 2018;44(1):16–17.
11. Gritsenko V.V. Russians among Russians: problems of adaptation of forced migrants and refugees from neighboring countries in Russia. Moscow: Federal State Budgetary Institution of Science of the Order of Friendship of Peoples Institute of Ethnology and Anthropology named after NN Miklukho-Maklaya of the Russian Academy of Sciences; 1999. (In Russ.).
12. Brough M. et al. Young refugees talk about well-being: A qualitative analysis of refugee youth mental health from three states. *Australian Journal of Social Issues*. 2003;38(2):193–208.
13. Sagbakken M., Bregård I.M., Varvin S. The past, the present, and the future: a qualitative study exploring how refugees' experience of time influences their mental health and well-being. *Frontiers in Sociology*. URL: <https://www.frontiersin.org/articles/10.3389/fsoc.2020.00046/full>
14. Allan G. A critique of using grounded theory as a research method. *Electronic Journal of Business Research Methods*. URL: <https://academic-publishing.org/index.php/ejbrm/article/view/1168/1131>
15. Zabaev I.V. Logic of data analysis in grounded theory: B. Glezer's version. *Sotsiologiya: metodologiya. metody. matematicheskoye modelirovaniye = Sociology: methodology, methods, mathematical modeling*. 2011;(32):124–142. (In Russ.).
16. Strause A., Corbin D. Fundamentals of qualitative research: grounded theory, procedures and techniques. Transl. from Eng. Moscow: Editorial URSS; 2001. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Валерия Александровна Касамара — кандидат политических наук, директор Ассоциации организаторов студенческих олимпиад «Я — профессионал», Москва, Россия

Valeriya A. Kasamara — Cand. Sci. (Pol.), Director of Association "I'm professional", Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9835-7950>

Автор для корреспонденции / Corresponding author:
valeriakasamara@gmail.com

Артём Тимурович Зельдич — студент 3-го курса бакалавриата образовательной программы «Политология» факультета социальных наук НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Artyom T. Zel'dich — master student, Educational Program "Political Science", Faculty of Social Sciences, National Research University "Higher School of Economics", Moscow, Russia
<https://orcid.org/0009-0001-6656-7064>
atzeldich@edu.hse.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.08.2023; принята к публикации 20.10.2023.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 29.08.2023; accepted for publication on 20.10.2023.
The authors read and approved the final version of the manuscript.